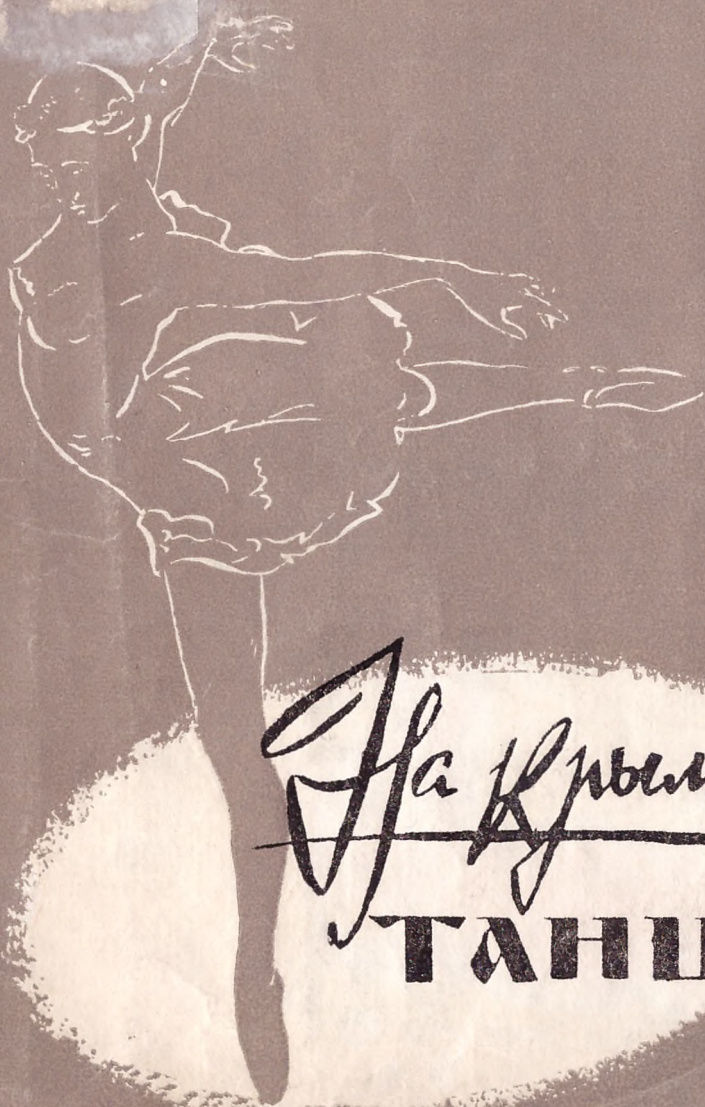

Т. ШАТСКАЯ

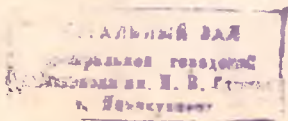
Иса Рубинowitz
ТАНЦА

Т. ШАТСКАЯ

51452

На крыльях ТАНЦА

Кемеровское
книжное
издательство
1965

— Вы профессионал?

— Нет.

— Кто Вы?

— Учительница.

Такой разговор нередко можно слышать после концертов Валентины Барадулиной (В. Портной). Валентина Васильевна в жизни сумела совместить два призвания. Нелегко было. Труд, упорный и настойчивый, одухотворенность, увлеченность — вот что принесло успех.

Ей — учительнице красоты, приме балета Новокузнецкого народного театра, посвящен очерк журнальной статьи Т. Шатской.

В НОРВЕГИИ солнце светит так же, как дома. И так же отражается в осенних лужах на дорогах, разбиваясь на миллионы солнечных брызг от неожиданных ударов. Кто сказал, что Норвегия — страна суровая? Приветливо улыбаются встречные. Переводчик говорит: «Весной у нас цветут персики». Валя прижимает осенние букеты, с интересом смотрит вокруг.

Осло — первый в ее жизни зарубежный город. Представители посольства внимательны и предупредитель-

ны: «Осторожно, пожалуйста, и здесь — тоже». Они будто извиняются: осень. А Валя в это время мысленно бежит по улице, разбрызгивая солнечные лужи. Ей очень хорошо в этот час. Забыто волнение. Но схлынут первые впечатления, и озабоченность, ставшая ее постоянным, неизменным состоянием, вновь охватит ее. И уже где бы она ни была, что бы ни видела, все ее мысли будут на сцене. В звуки будничного города вдруг властно и широко вольются мелодии Чайковского, и Валя ощутит каждый мускул своего тела. Исчезнет беззаботность восторженной приезжей, уступит место сосредоточенности балерины. А пока Вале просто весело. Она смотрит на приветливые лица и нарядные витрины, вслушивается в рассказ переводчика о том, что русских здесь любят потому, что они помогли Норвегии в годы войны. Но постепенно все это отступает. Приближается концерт...

Осенним букетам не нужны вазы с водой. Цветы лежат рядом с хитомом, трепетные и романтические. В этом случайном соседстве столько гармонии и глубокого смысла, что оно иллюстрирует по существу следующий номер Вали — «Ноктюрн» Листа. Костюм времен революции в балете, напоминающий античную одежду, потребовал когда-то от исполнительниц глубокой психологичности. И Вале предстоит передать тончайшие движения души в классических движениях танца. Это тот случай, когда переводчик не нужен. Язык балета — всемогущий эсперанто — понятен всем, не равнодушным к нему... Было время, когда первый выход Вали в хитоме встречали свистом. «Платье зашей!» — кричали добродушно из маленького душного зала рабочие паренки. И сами смущались и ее доводили до слез. Это было так давно, наверное тогда, когда в Норвегии ставили первые памятники советским солдатам, сложив-

шим головы вдали от Родины, вдали от своих мальчишек, свистевших в душном, неустроенном послевоенном зале.

А сейчас Валя говорит с норвежцами на русском языке. Именно так понимает она «Русский танец» Чайковского. Нет для нее на свете ближе и роднее композитора. Он дорог ей, как тополь, выросший вместе с нею во дворе дома, как Родина, особенно, когда тоскуешь по ней, побывав каких-нибудь несколько дней за границей.

Зрители Норвегии благодарны. Они не отпускают Валу со сцены. Поднимается пожилой человек и что-то говорит, говорит. «Он тут же, на концерте, решил вступить в общество советско-норвежской дружбы, со всей семьей», — объясняет переводчик.

Кто сказал, что Норвегия сурова? Норвегия — страна открытых добрых сердец. Валя в этом сама убедилась.

И Польша — добрая, чуткая к танцу страна. А как страшно было везти в Польшу «Вальс» Шопена! Когда сказали, что танцевать придется прямо на заводе, на асфальтированной площадке, Валя растерялась: как же так? Шопен на заводе... Рабочие окружили площадку плотным кольцом и затихли. Они ждали своего Шопена. Валя не знала, какой он для них. Она знала, какой он для нее.

Первые аккорды. Первые, совсем обычные шаги. Партнер Василий Тарасов порывисто сбрасывает плащ. Вася, конечно же, никогда не носил шикарного плаща времен Шопена, и сам он такой же рабочий, как окружившие площадку зрители. Но сейчас он великолепен в порыве любви. И Валя клонится к нему на плечо. И глаза ее сияют от счастья...

«Вальс» Шопена — это не просто концертный номер. Это одна из высот в жизни Вали, этап ее жизни. Если

бы годы каждого человека отмечать вехами с надписью, то годы жизни Вали выглядели бы так: «Пиццикато», «Ноктюрн» Листа, «Вальс» Шопена... Потому что, вспыхнув раз, искра ее призвания озарила всю ее жизнь. И теперь она уже диктовала ей условия, руководила ее поступками.

Вот и тогда. Днем Валя сдавала экзамены в педагогическом училище, вечером была во власти музыки Шопена. Даже если не было аккомпаниатора, она слышала мелодию необычайной чистоты и нежности. И танцевала гимн любви. А когда вышла на сцену, то не просто «рассказала» «Вальс» Шопена, а поделилась с миром своей затаенной радостью, своим скрытым счастьем танцевать, танцевать, танцевать...

В тот день Валя держала двойной экзамен: на педагога и на солистку балета. И обнаружилось, что педагог отлично готовится к своему труду. И открылось, что в девочке из педучилища талант балерины, застенчивый, обаятельный талант...

«Мало! Мало!» — дружно скандировали рабочие, стуча ногами. Валя неуверенно смотрела на Василия, он на нее. «Мало! Мало!» — кричали рабочие по-русски. Поляки приняли своего Шопена таким, каким почувствовали его Валя и Василий.

Встречи в Германии. На одном из концертов присутствовал Вальтер Ульбрихт. Душевные разговоры в шахтерских поселках и бесконечные переезды с места на место. Нет, они не столько утомляли, сколько отрывали от тренажа, от регулярных необходимых в балете занятий. «Не будешь же в автобусе репетировать?» — с досадой говорила Валя.

Возвращаясь из заграничных гастролей, она усердно наверстывала упущенное. Ее одержимость поражала окружающих. Казалось, вдохновению Вали нет преде-

ла. За это и полюбил ее родной Новокузнецк, а потом узнал и полюбил весь Кузбасс, узнала Москва.

Вот только за границей не обошлось без недоверия. Там зрителям часто приходилось доказывать, что солисты балета из сибирского города Новокузнецка не профессионалы.

В яркой программе было написано по-немецки: «Чайковский, «Лебединое озеро». Адажио. Исполняют педагог Валентина Барадулина и машинист крана Василий Тарасов». И все же девушка, следившая за танцем из зала старого австрийского театра, не поверила. Она разыскала после концерта Валу и спросила:

— Вы профессионал?

— Нет.

— Кто Вы?

— Учительница.

Девушки стояли друг против друга и, с трудом подбирая слова, объяснялись.

— У нас такого нет, — сказала одна.

— У нас есть, — сказала другая.

— Это было прекрасно, — поблагодарила австрийская девушка.

Концерт в Вене, в Линце. Семнадцать концертов за двадцать дней. И всюду возгласы «прекрасно!» И... недоверие: «Неужели не профессионалы?»

Если бы знали недоверчивые, что в городе, где выросли и сейчас живут Валентина и Василий, никогда не было ни профессионального театра оперы и балета, ни профессионального театра оперетты. Если бы видели, как в течение смены управляет раскаленными слитками металла Василий, а после смены бежит то в техникум, то на репетицию. Если бы побывали на уроках педагога Валентины Васильевны Барадулиной, на занятиях студии, которой она руководит...

На одном из заводов в Австрии Василию Тарасову предложили подняться на кран. И, когда он, немного осмотревшись, легко повел машину, зрители признали в солисте балета «кран-фюрера». Аплодисменты были как на концерте.

* * *

Но это конец нашего рассказа. Гастроли за границей. Признание. Успех.

А начало?

2

*Н*АЧАЛО затерялось где-то среди летних дней 1929 года, когда и Новокузнецка-то не было, в пыльном от строек Новосибирске.

Закладывали первый камень в фундамент театра оперы и балета. В честь этого события играли два оркестра. На открытой площадке танцевала балерина Абрамова. Восторженные девушки — ее ученицы — во все глаза смотрели на нее. Среди них была черноглазая Верочка Павлова — будущая солистка Новосибирского балета. Кто знал, что после великолепного театра судьба забросит ее в Новокузнецк, в старый барак на базаре, именуемый клубом строителей? Кто знал, что в ее жизни будет свой первый камень в фундаменте балетного искусства Сибири?

Вера кончала «теуч» — театральное училище, в котором от пятисот, явившихся на конкурс, осталось шесть девушек-балерин и один юноша — их партнер.

Как-то группа побывала на Кузнецкстрое. Танцевали в столовой на Верхней колонии. После концерта Веру Павлову окружили молодые инженеры-строители. Один из них, с галстуком-бабочкой, таким неужи-

данным, даже вызывающим в условиях Кузнецка тридцатых годов, протянул ей руку:

— Спасибо...

Они долго бродили с Борисом по грязным переулкам города. Оказалось, что он не только строитель, но и музыкант-любитель, что всю свою сознательную жизнь стремится к искусству, и уже сейчас мечтает о культуре будущего города.

Вера уехала. Но где бы она ни была теперь, мысли уносили ее в дымный, закопченный Кузнецк, к восторженному пареньку с наивной бабочкой.

Пройдет немало лет. Первый камень театра оперы и балета долго еще пролежит в почетном одиночестве. Театр распахнет свои двери только в день Победы — 9 мая 1945 года. И тогда Вера выйдет на большую сцену. А инженер из Новокузнецка будет приезжать по воскресеньям на спектакли. Однажды он увезет Веру Федоровну навсегда.

Вот тогда-то после большого театра поднимется она на скрипучее крыльцо клуба строителей, потому что без балета не сможет жить, а муж станет первым ее аккомпаниатором. Четырнадцать лет он будет день изо дня спешить с правого берега, где строит алюминиевый завод, на репетиции... Четырнадцать лет она будет биться над нескладными фигурами подростков. И все эти годы они вместе будут бороться за рабочий балет в рабочем городе.

Но вернемся к «истокам» новокузнецкого балета.

Комнатушка в несколько квадратов. Скрип половиц. Десяток мальчишек-чечеточников с косыми челочками. Гам. Свист. Так встретил Павлову первый день занятий хореографического кружка.

— Ну, что ж, — сказала Вера Федоровна, — будем работать.

Стулья превратились в станки. Пришел баянист.

— И раз, и два, — раздалась команда балетмейстера.

— Хватит топтать, мешаете кино смотреть, — закричали за стеной.

На второй день снова занятие и на третий, и на четвертый... По городу расклеили объявления, которые приглашали молодежь принять участие в хореографическом кружке.

Однажды пришла девочка. Большеглазая и серьезная.

— Что ты умеешь делать? — спросила Вера Федоровна.

— Плясать русскую.

Девочка забавно прошлась по кругу, плавно разводила руками. Ребята засмеялись. Она прикусила губу и в упор посмотрела на Веру Федоровну.

С тех пор Валя не пропустила ни одного занятия.

Сейчас, когда Вера Федоровна Павлова вспоминает первые шаги своей воспитанницы, изумившей красотой танца не только земляков, но и зрителей Западной Европы, она повторяет: «Труд, труд и труд — вот что приносит успех».

Настал день, когда коллектив получил прекрасный Дворец со специально оборудованными для балета залами. Смешными воспоминаниями стали давнишние замечания зрителей балеринам в хитонах: «Платья зашейте!» Но все это было. И невероятные трудности, и слезы разочарования, и добродушно-стыдливое непонимание балета.

Много лет подряд занятия начинались с изучения правил хорошего тона, с чтения книг о балете и газетных статей.

— Культура исполнения сильна культурой исполнителя, — говорила Вера Федоровна.

Валя впитывала ее слова. Она читала, с изумлением открывая для себя притягательную силу искусства. Не просто слушала музыку, а вслушивалась в нее. Задолго до начала занятий была уже у станка. «И раз, и два», — шептала себе. Труднее, чем многим, ей давались туры на пальцах, не отличалась она и другими природными достоинствами. Все это пришло со временем, все добыто упорством.

Но вместе с девочкой Валею, которой досталось нелегкое военное детство, на долю которой выпало немало горьких непосильных нош, росло и развивалось одно необходимое качество. В балете его называют лиричностью, в поэзии — одухотворенностью, в жизни — сердечностью, душевностью.

* * *

Танцевала девочка в школе за мальчишек. Сапоги. Фуражка. Рубашка. Притоп да прихлоп. И хоть чувствовала Вера Федоровна ее мягкость, лиричность, а добраться до этих качеств не могла. Смотрела и вздыхала: «Вот так портят вкус и души ребят в погоне за массовостью самодеятельности в школах. Кто посмел изуродовать представление ребенка о танце? Для нее это — дело жизни, искусство, требующее работы тела, ума, души. А для кого-то — ремесло, забава...»

Три года держала Вера Федоровна полюбившуюся ей ученицу на характерных танцах. Все счищала с нее налет бравады лихой плясуньи. Первый номер, с которым выпустила Валю на сцену, был «Школьный вальс» Дунаевского.

С чем сравнить этот дебют тоненькой мечтательной девочки? Разве с голосом скрипки, поющей в любящих, но еще робких руках. Столько чистоты и свежести в нем, столько юного задора и застенчивой обаятельности.

Сумеет ли пронести она по жизни этот дар природы, не расплескав, не растратив его по пустякам?

Вера Федоровна стремится закрепить первое лирическое дыхание Валентины и приступает с ней к работе над «Ноктюрном» Шопена. А вскоре дает ей «Пиццикато» — танец на пальцах, где шаг — быстрый-быстрый, мелкий-мелкий, где нужно стремительно встать-вскокить, встать-вскокить. Техничность балерине нужна не меньшая, чем понимание и переживание танца.

И вот Валя все чаще выходит на сцену. Сначала в массовках, потом на первой линии. «Вальс цветов» из балета «Капеллия», «Танец вечерних часов» из «Джюкконды». Наконец, «Вальпургиева ночь». Адажио. Вальс из первого акта «Лебединого озера».

Новокузнецк привыкал к балету. В зале больше не хихикали. Начались первые гастроли коллектива в соседние деревни. Танцевали в маленьких неудобных клубах, на скрипучих, тесных сценах, а чаще всего просто на полянах, на фоне живых декораций сибирских пихт и ранних весенних огоньков, трепетным пламенем охватывающих луга.

Танцевать — это было самое естественное и неутолимое желание Вали. Это была жажда. И она танцевала много, так много, что и товарищи по коллективу, и Вера Федоровна изумлялись ее одержимости. Вот тогда-то и обнаружилось в ней ценное для балерины качество: она могла легко переходить от характерного танца к классическому и наоборот. В концертах без этого нельзя было обойтись. И дар перевоплощения закреплялся, оттачивался.

Новокузнецк — Ильинка — Сосновка, опять Ильинка. Рабочий балет уже хорошо знали в селах, артистов встречали, как старых знакомых. Но первую профессиональную оценку пришлось услышать лишь через

несколько лет — на смотре в Новосибирске. Валя танцевала на той самой сцене, с которой ушла когда-то Вера Федоровна. Сейчас учительница смотрела на свою ученицу из зала, и сердце ее билось тревожно. Выдержит ли? Выдержит ли девочка из самодеятельности профессиональное испытание?

Валя выдержала. Она была так спокойна, что позднее сама этому удивлялась, глядя на себя в кино, снятом Новосибирской кинохроникой. Танец хорош... Почти как тот, что встревожил ее много лет назад в кинозале Новокузнецкого кинотеатра. Тогда на экране девушки-лебеди проплыли, плавно помахивая руками-крыльями, и унесли ее покой. Могла ли плясунья школьного кружка мечтать о таком?

И вот на экране проплывает она сама нежным лебедем...

Всю дорогу Вера Федоровна была молчалива. Возможно встревожили встречи с друзьями, или взволновали сами стены театра, такого долгожданного когда-то и так быстро ушедшего из ее жизни? А может быть, вместе с этим пришло серьезное решение: раз и навсегда определить свой путь?

Подъезжали к Новокузнецку, когда она задумчиво сказала:

— А что, ребята, не пора ли нам взяться за большой балет?

Это были самые вдохновенные дни в жизни Вали. Девочки красили и крахмалили марлю, шили костюмы, мальчики вырезали металлические узоры и украшения из жестяных консервных банок. Ночи напролет расшивали костюмы, не зная устали. Готовился первый спектакль «Баядерка» Л. Минкуса.

Трудно сказать, что больше увлекло тогда ребят: восточная экзотика, красочность и яркость спектакля

или первое воплощение характеров на сцене, первая игра в сочетании с танцем?

Балетный спектакль стал событием в жизни города. Над кассой Дворца культуры неизменно висела табличка: «Аншлаг».

Баядерка Никия в исполнении Вали поразила зрителей. Восточный стиль, пластика — все удалось ей на этот раз. Но больше всего удался характер героини, любящей смело, безгранично, идущей во имя любви на все. Ее танец рассказал о глубокой человеческой трагедии.

Как помогло тогда соединение ее душевных качеств и великолепной техничности, обретенной под зорким, взглядом Веры Федоровны. Успех коллектива стал, прежде всего, успехом его руководительницы. За руководство самодеятельным коллективом Вере Федоровне присвоили звание заслуженной артистки РСФСР. Заслуженная награда. Человек пробудил интерес целого города к балету, увлек людей своим искусством.

Слава о Новокузнецком балете распространилась за пределы области. Приезжали корреспонденты, фотографировали, писали...

Коллектив вызвали в Москву. Зрителей Кремлевского театра самодеятельный спектакль «Баядерка» покорила увлеченностью, задором, обаянием молодости.

Потом балету приходилось много раз бывать в Москве, и каждый такой выезд являлся своего рода экзаменом, учебой.

Однажды к Вале подошел растроганный старый артист и поцеловал ей руку. Знаменитая Лепешинская как-то с недоверием заявила членам жюри:

— Ну, уж если самодеятельность берется за классику...

Надо сказать, что на протяжении всей своей работы в самодеятельном коллективе Вера Федоровна больше всего боялась претенциозности, переоценки сил. Мечтая о «Лебеде» Сен-Санса, она ни за что не рискнула бы ввести этот шедевр хореографии в свой репертуар. И своих воспитанников приучила к скромности. Но классику взяла, когда почувствовала, что ребята набрались сил, когда с замиранием сердца следила за успехами Вали...

Старая актриса Лепешинская имела основание насторожиться. Как часто самодеятельные коллективы берутся за сложную работу, не рассчитывая своих сил! Но на этот раз...

Никто не знал, что у Вали пальцы стерты до крови (такое нередко случается в балете), когда вихрем носилась она по сцене Колонного зала в «Вальпургиевой ночи». Только потом ноги были словно чужие. А Лепешинская смотрела ласково и серьезно.

Сколько лет прошло с тех пор? Уже трудовой стаж Валентины близится к десяти годам. А она все так же упорно тренируется, репетирует. И все так же боится спросить после концерта: «Как я танцевала?» Потому что ни на минуту не позволяет восхититься собой.

Теперь перед каждой поездкой за границу она по долгу занимается в Москве под руководством заслуженного артиста РСФСР Владимира Алексеевича Преображенского. А в письмах ей в Новокузнецк он пишет: «Милая Валюша! Искусство танца — это повседневный труд... желаю много сил».

* * *

Сил нужно много. Что верно, то верно. Может быть, это самое существенное в жизни — силы: духовные и физические. Вале нужны те и другие.

Не привыкла она к праздникам, неведомы ей легкие успехи. То, что более всего близко и знакомо ей, называется словом коротким и емким — труд.

После седьмого класса Валя поступила в педагогическое училище: нужно было помогать семье. Но никакие будничные заботы и житейские невзгоды, никакие материальные трудности не заслонили в ней того главного, что привело ее в балет, что проявилось бы в любой работе, в любой обстановке. Разве иначе она поняла бы «Вальс» Шопена как гимн любви и всему лучшему, что есть в человеке? Одухотворенность, поэтизация всего, к чему она прикасается, за что берется, сопутствуют ей шаг за шагом.

Если китайский «Танец водяных рукавов» из «Волшебного фонаря лотоса» захватывает сказочной зримой образностью, то темпераментный узбекский увлекает игривой остротой. В результате же и в том и в другом случае, открывается мир поэзии, бездонный, многообразный...

Может быть, это и есть счастье — передать сотням, тысячам людей то, что ты сам сумел постигнуть и открыть для себя. Концерты не утомляют ее. В них она черпает силы.

— Когда танцуешь с Валею, она заражает своей энергией, темпераментом, улыбкой, взглядом. С ней нельзя танцевать плохо, — так говорит один из ее партнеров.

Увлеченностью и трудолюбием можно достигнуть невозможного на первый взгляд. Валя знает наизусть все партии. Однако часами отрабатывает одно какое-либо движение.

...И все это в часы, не занятые на работе. Потому что Валя — учительница, прежде всего.

В ГЛУБОКИХ кожаных креслах фойе Дворца культуры отдыхают девочки в балетных трико. Те, что побойчее, пристроились на мягких спинках кресел. Они с таким уважением, так бережно и серьезно говорят о Валентине Васильевне, что невольно задумаешься: какое же призвание в ней более сильное — педагогика или балет?

Ее приглашали в театр. Она могла уйти. Но счастье и разумно совместила оба увлечения. Валентина Васильевна Барадулина — преподаватель хореографии в Новокузнецком дошкольном педагогическом училище и руководитель детской хореографической студии Дворца культуры металлургов. Она повторяет путь Веры Федоровны Павловой. Учит девочек красоте. Станут ли ее воспитанницы балеринами — это не главное. А вот великую силу одухотворенности познают, тягу к прекрасному почувствуют.

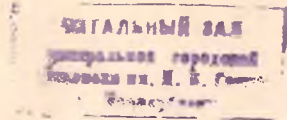
Тридцать пять длинноногих девочек в пуантах — у станков.

— Внимание, первая позиция... И раз, и два...

Терпеливо и настойчиво педагог ведет наступление на неловкость, на скованность детских фигур, заставляет их подтянуться, подчиниться ритму музыки.

— Пожалуйста, вальс, — обращается Валя к пианистке.

Стройная, аккуратная Валя стоит посреди класса. У нее гибкая шея, волосы гладко зачесаны и собраны на затылке, в лице — одухотворенность, даже отрешенность от будничной жизни. На занятиях она повязывает на голову широкую голубую ленту и тогда становится чем-то похожа на Уланову. В городе давно заметили

это сходство и в разговорах о Вале нередко можно услышать: «Наша Уланова».

Вот словно певучая струна вытянулась ее фигура, и девочки, глядя на нее, поднимают головы, подтягиваются.

Звуки вальса кружат в балетном классе. Валя плавно отводит руку в сторону... И вдруг хлопает в ладоши:

— Красиво так?

Опускает ту же руку вяло и безвольно, наклоняет голову... Девочки не смеются, хотя облик довольно забавный. Они видят, что так делать, действительно, нельзя.

Учительница красоты. Она показывает вновь и вновь... Именно сейчас, на занятиях, раскрывается ее характер гораздо полнее и ярче, чем в разговорах. Выдержка, терпение, такт... Да, она прежде всего педагог.

— Балет — самый тяжелый труд, — так однажды сказала Валя.

Так строго, даже сурово сказать о главном деле своей жизни может лишь человек, испытавший на себе все его трудности и радости.

Музыкальны жесты Вали, сияют ее глаза. А ведь занятия — утром и вечером, днем — уроки в педучилище... Неужели не утомилась, не устала она?

Тридцать пять девчушек старательно приседают, тянут носки. У одной загорелись глаза. Она поглощена своим занятием. Другая забыла о соседках справа и слева. Это — успех педагога...

У одних девочек природная гибкость и взъем на ноге горкой. Это вовсе не значит, что они добьются успехов больших, чем другие.

— Вот девочка — труженица, — говорит Валя, — она не видит ничего вокруг, она поглощена своим занятием. В нее я верю.

Собирает Валя своих учениц и по воскресеньям. Тогда они репетируют танцы. Первая группа уже вышла на сцену, пока, конечно, во Дворце культуры. Веселая полька понравилась зрителям.

Танцы... Какое отношение они имеют, казалось бы, к успехам девочек по географии и алгебре? Оказывается, имеют. Валя сама училась отлично в школе и в училище. Это стало ее жизненной необходимостью. Отличная учеба дисциплинировала, вырабатывала волю, целеустремленность. Вот почему нередко перед занятиями она проверяет дневники девочек: а каковы их успехи в школе?

Валентина Васильевна строга. На ее занятиях все невольно подчиняется этой педагогической строгости. Но как часто веселая шутка разнообразит ритм ее уроков. Педагог-балерина чувствует музыку атмосферы в классе, она знает, что однообразная мелодия утомляет, не достигает цели.

Так же терпеливо оттачивает движения своих более взрослых учениц, будущих воспитателей, Валентина Васильевна в училище.

Было время, когда этому предмету не уделялось такого внимания. Преподавали случайные люди. Маршировали девушки под музыку и только. Занятия назывались «уроками ритмики». Ни программы, ни дисциплины... Второстепенный предмет, одним словом.

«Как же так, — изумлялась Валя, — ведь эти люди пойдут в детские сады, на их движения, на их фигуры будут во все глаза смотреть малыши, с них будут брать пример во всем, им станут подражать... А если воспитатель грубоват в манерах, не музыкален в движениях, не гармоничен в играх?..»

Она начала с программы. Но никакой серьезной литературы не могла найти. По книге «Музыкальные иг-

ры и песни в детском саду» разработала элементы занятий. Попросила установить станки в комнате для уроков. Потребовала от девушек обязательную форму. И учащиеся подтянулись. Сначала почувствовали серьезность предмета, потом увлеклись, стали записываться в кружок, организованный Валентиной Васильевой при училище.

Если из малышей в студии можно еще сделать что угодно, то из взрослых девушек в училище — не всегда. И все же педагог упорно добивается от них изящности, легкости, музыкальности. Шаги русского танца — переменные, с притопом, вприсядку, украинская «веревочка» осваиваются с каждым днем все успешнее. И все чаще на смотрах художественной самодеятельности отмечают балетные номера дошкольного педагогического училища.

Все это создало Вале авторитет среди педагогов. За ее настойчивость и серьезность, за ее увлеченность предметом товарищи по работе уважают и любят Валентину. Здесь рады каждому ее новому успеху в балете, потому что знают, как достается ей этот успех.

И в самом деле, работать в училище, руководить студией, заниматься с кружковцами и ежедневно тренироваться может человек, увлеченный балетом на всю жизнь.

Расписание уроков хореографии составлено с учетом, чтобы гастроли Вали не влияли на учебную программу.

Валя не может выполнять одну свою обязанность, пренебрегая другой, стремится везде быть добросовестной. Если ее избирают в училище членом жюри, для нее это не пустяк, она просматривает номера, отбирает лучшие, помогает девушкам. Если ей нужно на педсовет, она придет во время и примет активное участие.

Отрывая ее от работы, все время испытываешь неудобство: так она занята. Ведь кроме преподавания и личных занятий балетом, она — мать. У Валентины растет дочь Верочка. Еще совсем недавно она сидела в балетной комнате на окне и кричала Валиному партнеру: «Отдай мою маму!» А сегодня влетает в квартиру румяная, громкоголосая и кричит: «Пять, пять и пять!» Это отчет о творческих успехах в первом классе. Вера выкладывает тетради, на каждой — большая красная звездочка — доказательство «пятерки».

4

ДАВНО уж зажглись фонари у драмтеатра. Утих оркестр, игравший в первом этаже Дворца культуры. Облокотившись о перила лестницы, смотрит техничка.

А балетные пары в фойе все трудятся. Плещется «Заздравная» Дунаевского в опустевшем, притихшем Дворце культуры.

— Внимание, мальчики, па-де-груа!

Вера Федоровна выходит на середину.

А Валя помогает девушке:

— Ты должна оттолкнуться от него, понимаешь? Оттолкнуться и взлететь.

Как непохожа она сейчас на ту обыкновенную прохожую, что три часа назад шла озабоченная и как будто уставшая к Дворцу культуры. Сколько блеска в ее глазах, как легка и послушна музыке ее фигура!

Девушки окружают Валью. Она объясняет им ошибки, показывает, что нужно делать.

Со стороны может показаться, что девушки слишком тяжеловаты, что вряд ли они добьются успеха. В глазах Веры Федоровны — искринки смеха: «Ошиба-

етесь, мол, уважаемые». В глазах Вали — радость от каждой малейшей удачи.

...В прохладном фойе плещется «Заздравная» Дунаевского.

И все смотрит и смотрит техничка и не просит ребят уходить.

— Ну, что же, вальс Машкова?

Это сверх задания. Пары тотчас принимают позы.

— Отставить...

И снова — объяснения. И снова: «Отставить».

Танцуют две пары. Одна держится более уверенно и как будто бы неплохо. Вторая — взволнованнее. Над этой, второй, будет биться Вера Федоровна.

Тяжело взлетают девочки. Одна уже чуть не плачет: не получается «рыбка».

— Валя, давай покажем, — предлагает Вася Тарасов.

Валя отдыхала после трудного номера, но, видя горе подруги, бросилась ей на помощь:

— Смотри!

Она легко подпрыгнула, оторвалась от пола и, словно с помощью невидимых легких крыльев вспорхнула к партнеру на руки. А он ловко перехватил ее, и вот она уже распласталась в воздухе, стремительная, вся — движение и вся — порыв. Эта красота и есть «рыбка».

Девушка вытирает слезы, улыбается.

— Не получится, — говорит неуверенно.

— Получится, — убеждает Валя.

Одно дело, когда мы смотрим балет на сцене. Там мы поддаемся его очарованию и только. Там мы уже не прощаем неловкости, неумения артистам, даже если эти артисты самодеятельные. И совсем другое дело — наблюдать рождение балетного номера или спектакля. Только здесь можно осознать, что мастерство, достиг-

нутое примой Кузнецкого балета Валею Барадудиной, — героизм. Нелегко дается самое простенькое, незаметное потом для зрителя движение, оно требует напряжений воли, заставляет переживать. Нужно иметь необыкновенную тягу к этому сложному искусству, чтобы после работы биться над его азбукой изо дня в день...

Чего стоит учителю каждый его урок! Каким уставшим, обессиленным возвращается он порой домой! Разве к Вале все это не относится? А Вася Тарасов? Сейчас он — машинист блюминга. Всю смену — в работе руки и ноги машиниста, всю смену напряжен его взгляд. У него — «горячий» труд. Он управляет раскаленными слитками металла. А дома его ждут учебники: Вася учится в техникуме. И все же он идет на тренаж, на репетиции. Вот так же идет и Валя. Так идут остальные пятьдесят участников хореографического коллектива металлургов. Вера Федоровна открыла для них мир неожиданный и влекущий, мир гармонии и красоты.

Сейчас Новокузнецк переживает такой этап в своем культурном развитии, когда его можно назвать балетоманом в лучшем смысле слова.

Вера Федоровна Павлова и ее коллектив в течение четырнадцати лет прививали и привили-таки городу любовь к балету. Когда приезжают на гастроли новосибирцы, их спектакли буквально штурмуются. В городе растет число хореографических студий, кружков и коллективов. Бывший воспитанник Веры Федоровны Лев Крылов, балетмейстер самодеятельного большого коллектива, поставил «Жизель» и «Корсара». В городе есть балет металлургов, балет строителей, балет алюминщиков, балет горняков. Но достойной поклонения примой этого могучего балетного приюта остается Валентина Барадудина.

Вот почему, рассказывая о своем балете, и ветераны, и новички все говорят, прежде всего, о Вале. Валя — достижение Веры Федоровны и всего Новокузнецкого балета. На нее равняются, у нее учатся.

У всех в памяти сцена смерти Никии в «Баядерке». Когда Валя-Никия умирала, в зале плакали. А ведь это была ее первая партия.

Большого совершенства достигла она в Зареме. В дни, когда «Бахчисарайский фонтан» шел в Новокузнецке, а потом транслировался по телевидению, во Дворец культуры шли то восторженные, то сдержанные, но неизменно благодарные письма.

«Ни одной Заремы такой я не видела», — писала одна зрительница.

Другая:

«Я трижды смотрела этот балет в разных театрах. Наша Зарема лучше тех профессионалов, каких я видела. Внешне хороша, танцует мягко и в то же время с темпераментом... Несите в массы высокое искусство. У вас есть для этого все основания».

А секрет успеха Заремы в исполнении Вали прост.

— Южане не злые, — говорит Валя о своей героине. — Вот присмотритесь, мы же встречаем их в жизни. Зарема любит. Она хочет вернуть любовь. Это главное.

Не восточную экзотику, не остроту характера даже, не банальное коварство увидела балерина из самодеятельности в Зареме. Цельность ее любви. Глубину настоящего чувства. И наделила ее красотой своей души.

Как-то на одном из концертов популярная певица Людмила Зыкина написала Вале на память в программе: «Красивой девушке Л. Зыкина». Ничего не скажешь, Валя хороша. Особенно выразительны ее большие серые глаза. Но написала певица эти слова после того, как увидела Валу на сцене. В танце она становит-

ся поистине красивой, столько одухотворенности в лице, столько поэтичности в фигуре.

Танец Валентины и Василия вдохновляет местных поэтов. И поэты пишут:

Ворвется в зал восторг
и восхищенье.
Мы красотой покорены
в тот миг
И дышит необычным
вдохновеньем
Их танца покоряющий язык.
Трепещет мир движенья ярких
красок,
В котором царствуют Портная
и Тарасов.

Портная — девичья фамилия Валентины Барадულიной. В Новокузнецке ее часто так называют.

Мирное небо. Поле. Желтые налившись хлеба. Одинокое дерево. Юной непосредственностью дышит адажио Любки и Сергея на этом фоне. Идет репетиция балета «Подвиг» (музыка Ж. Зориной). Любка Шевцова — Валя Барадულიна. Она пока не показывает дерзости своей героини. Ее Любка среди хлебов наивна и нежна, игрива и прелестна. Но вот стало тревожным небо. Покосились столбы. Глыбами нависли остатки домов. И отчаяние Любки тотчас сменяется решимостью. Она знает, что делать.

Валентина Барадულიна обладает даром перевоплощения. Еще в начале занятий у Веры Федоровны она легко переходила от характерных танцев к классиче-

ским. Сложная натура Любки, то нежной, то мстительной, оказалась ей вполне под силу.

В небольшом зале ТЮЗа военных лет (в Новокузнецке этот клуб только так и называют, хотя давно нет театра юного зрителя, здесь демонстрируются кинофильмы да проводятся собрания) идет эта репетиция. Рядом дышит могучий Кузнецкий комбинат. Напротив поднимаются стены будущего народного театра металлургов.

Выходит из ТЮЗа шумной гурьбой молодежь, идет по вечернему городу. Там, где совсем недавно были бараки, стоят огромные дома. Не осталось в помине и старого клуба со скрипучим полом, где начинались первые репетиции.

Идут по городу веселые ребята и девчата. В душе каждого из них есть солнечная искра. Вот выйдут они на сцену, и вы уже не узнаете их. Вспыхнут, озарятся невидимым светом их лица, пламя перебрисится в зал и охватит вас.

*Таисия Алексеевна
Шатская*

НА КРЫЛЬЯХ ТАНЦА

Редактор Г. Теплицкая
Художник В. Сотников
Худ. редактор О. Красова
Техн. редактор Г. Рудина
Корректор Л. Пронникова